

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ «МЕСТА ПАМЯТИ»

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL MEMORY: THE PROBLEM OF «PLACES OF MEMORY»

N. Topal

Summary. Discusses the definition of historical memory and places of memory in the Russian public consciousness in the second half of XX — beginning of XXI century, taking into account the regional component. Analyzed specific events associated with changes in relationship to the historical and cultural heritage, with the introduction of in the direction of the notion of palimpsest. An attempt to rethink the processes of this period and determining the algorithm course of history in the Russian public consciousness.

Keywords: historical memory, seat memory, historical and cultural heritage, protection of monuments, the palimpsest, the Russian public consciousness.

Переосмысление исторических событий стало одним из характерных признаков исследовательской мысли современной России. Это связано с изменением динамики жизни общества в условиях глобализации, которое породило ощущение утраты корней, вызвало спрос на историческую память и интуитивное стремление возвращения к прошлому.

Российский опыт изучения проблем сохранения историко-культурного наследия двух последних десятилетий отражен в многочисленных публикациях и диссертационных исследованиях. По мнению автора статьи, теоретические и практические материалы в изучении истории охраны памятников современными исследователями основательно проанализировал А. М. Кулемзин. [13, С. 53–58]. Он отмечает, что материалы по теме сохранения историко-культурного наследия включают широкий спектр научных направлений — это и история, и философия, и культурология, и искусствоведение, и правоведение. Многогранность подходов к изучаемой проблеме отражена в материалах Н. В. Майоровой [16], В. В. Стравинскаса [36], А. Б. Шухободского [40], И. К. Бариновой [2], И. В. Голотина [5] и др. Данные работы выстроились не только в междисциплинарном, но и в региональном контексте. Богатый фактологический материал изложен в исследованиях Р. М. Валеева [3], Р. Р. Хайрутдинова [37], Р. Р. Салихова [33] и др. Региональные ученые провели большую работу по формированию базы объ-

Топал Наталья Михайловна
Аспирант, Казанский национальный
исследовательский технический университет имени
А. Н. Туполева
topal2008@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения исторической памяти и места памяти в российском общественном сознании во второй половине XX — начала XXI века с учетом регионального компонента. Проанализированы конкретные события, связанные с изменением отношения к историко-культурному наследию, с введением в данное направление понятия палимпсеста. Предпринята попытка переосмысления процессов данного периода и определения алгоритма хода истории в российском общественном сознании.

Ключевые слова: историческая память, место памяти, историко-культурное наследие, охрана памятников, палимпсест, российское общественное сознание.

ектов культурного наследия, созданы археологические карты, каталоги и информационные сборники [10].

В процессе изучения ранее накопленного исследовательского опыта можно проследить тенденцию повышения интереса к изучению историко-культурного наследия через познание феномена исторической памяти. С 90-х годов XX века значительно расширяется понятийный аппарат, так как у российских ученых появляется возможность изучения опыта научных изысканий таких прогрессивных западных коллег в области исследований феномена исторической памяти, как М. Хальбвакс [38]. Вместе с этим в современное российское исследовательское поле вошло понятие «место памяти», заимствованное из одноименной концепции французского исследователя П. Нора [23, 24]. Она послужила ключом к истинному пониманию многих исторических процессов и решению проблемы преодоления системы многослойных идеологических препятствий на пути к познанию исторической объективности.

В процессе исследования ранее изученных материалов сложилось представление о том, что отношение общества к исторической памяти и ее маркерам в виде объектов историко-культурного наследия можно объединить в единый цикл развития, включающий три основных типа фазисов. Первый из них строится на негации и эмоциональном опровержении. В России этот период

пришелся на последнее десятилетие XX века, когда произошел крах ментальных идеологий в связи с изменением государственного и политического строя. Интенция разоблачения предшествующего строя в то время заняла доминирующую позицию, а будущее приобрело черты неопределенности. Отсутствие ощущения стабильности в обществе предопределило переход в следующий фазис, связанный с повторным рассмотрением фактов прошлого с преобладанием авторских интерпретаций. Далее следует третий этап анализа событий прошлого и настоящего, отделяющий ложные интенции от истинных.

Значение процессов, происходящих в течение всего данного цикла, очень точно выразил американский философ Джордж Сантаяна, который считал, что те, «кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова» [35].

Представляется, что в XXI веке российское общество вступило в мемориальную стадию развития, так как данный период характеризуется началом создания толерантной этому явлению атмосферы в обществе. В поисках ориентиров исторической памяти без конъюнктурного взгляда на прошлое созрела необходимость обращения к опыту исследовательских практик в отношении история-память [17].

В российском общественном сознании память является ключевым элементом, в котором народная институция определила стержневой основой память о Победе в Великой Отечественной войне. Победа играет роль краеугольного камня национальной идентичности. «Эта память понятна, потому что событие бесспорно» [4]. Общество болезненно реагирует на акты проявления негативного характера в отношении данных событий, хотя само празднование Дня Победы приобрело законченный общенациональный канонический вид только в 60-х годах XX века. Этому способствовало изменение ситуации в стране по отношению к историко-культурному наследию в целом. В середине 1960-х годов закончился период «противоборства прогрессивных и нигилистических направлений» [14, С. 92]. Советский народ вел активную подготовку к празднованию 20-летия Победы над фашистской Германией и 50-летия Великого Октября. В преддверии юбилейных лет создавались планы мероприятий, способствующие популяризации памятников истории и культуры. Так, например, министерством культуры Татарской АССР было запланировано 21 мероприятие «по пропаганде и более широкому использованию памятников культуры в коммунистическом воспитании трудящихся и в развитии туризма» [22, с. 4–6]. Помимо благоустройства захоронений воинов Советской армии на всей территории республики, планом предусматривалось выявление новых памятников

культуры, обследование их состояния, уточнение существующего охранного списка, внесение на рассмотрение Советом Министров вопроса об объявлении Болгар (памятника культуры XIII–XIV вв.) государственным историческим заповедником, проведение реставрационных работ памятников архитектуры Свияжска, Болгар и Казани, проведение тематических конференций, кинофестивалей, смотров, праздников, выставок, лекций и т.д.

В этот же период наметился комплексный подход в сохранении исторической памяти, что, безусловно, свидетельствует об активизации интереса к теме со стороны государства. Понятно, что данные события совпали с временами «хрущевской оттепели», когда был приоткрыт железный занавес, и прогрессивные западные идеи в области сохранения историко-культурного наследия стали проникать в общественное сознание советских людей. В это же время в мире произошел ряд важных событий, конструктивно повлиявших на ситуацию в области сохранения исторических памятников в целом.

В мае 1964 года состоялся II Международный конгресс архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам, на котором была принята «Венецианская хартия», состоявшая из 13 резолюций [18]. В следующем 1965 году 21–25 июня в Варшаве прошел Учредительный конгресс ЮНЕСКО по охране памятников и исторических мест, на котором было принято решение об организации Совета. В конгрессе приняли участие 106 делегатов из 24 стран. Делегацию Советского Союза представляли 4 члена («А. Г. Халтурин – Министерство культуры СССР, Н. Н. Бритова — Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, И. В. Маковецкий – научно-методический Совет по охране памятников Министерства культуры СССР, В. Н. Иванов — музей Московского Кремля и Союз архитекторов СССР») [9, С. 59].

Активизация деятельности по сохранению исторической памяти «сверху» способствовала всплеску движения «снизу». Общественность выступала не только с предложениями за сохранение памятников, но за возведение новых монументов и мемориалов, которые в основном касались памяти событий Великого Октября, гражданской войны и Победы в Великой Отечественной войне. В Казани, таким образом, был воздвигнут монумент «Павшим за свободу и независимость нашей родины» у парка А. М. Горького. Решение было принято на митинге рабочих и служащих завода «Теплоконтроль», которые обратились к общественности через средства массовой информации с воззванием к сбору средств на памятное сооружение. «Мы начинаем сбор средств на постройку памятника павшим солдатам. Пусть каждый казанец поддержит этот призыв и внесёт личный вклад неспециальный счёт...», — гласил призыв [12]. Открытие монумента состоялось осенью 1967 года. [26].

Система государственных органов по охране и реставрации памятников была сформирована во всех республиках Советского Союза к 50-летию Советской власти. «Более тридцати специализированных реставрационных, проектных и строительных организаций осуществляют эту работу,— сообщал журнал «Архитектура СССР» в 1967 году,— Триста архитекторов полностью посвятили свой труд этой отрасли творческой деятельности» [8, С. 60].

В 1965 году вышло Постановление Совета Министров РСФСР об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в целях привлечения широкой общественности к активному участию в охране памятников», а в июне 1966 года в Москве состоялся Первый учредительный съезд ВООПИиК [32].

В этом же году в Советском Союзе прошли республиканские учредительные конференции отделений ВООПИиК. В частности, в Татарии к тому времени Общество насчитывало более 300 различных организаций и учреждений в 35-ти районных отделениях и 3-х городских [20].

Все эти позитивные тенденции 1960-х годов омрачили очередные акты уничтожения культовых сооружений. К примеру, в Казани в 1963 году объектом репрессии стал последний Никольский храм Николо-Ляпуновской церкви [34. С. 125]. На месте храма в 1966 году выросло новое здание — Дом политпросвещения. [11].

Данные события можно уложить в систему палимпсеста, когда на месте уничтоженного объекта возникает другой, функционирующий в качестве маркера новой идеологии. Примером типичного палимпсеста является площадь 1 Мая, расположенная у подножия Спасской башни Казанского Кремля. Сама территория Казанского Кремля не претерпела значительных изменений со времен постройки и в общественном сознании жителей Татарстана заняла место доминирующего объекта, связанного историческим развитием и формированием самоидентичности татар. В этой связи история данного объекта вписывается в рамки понятия «места памяти». В настоящее время Казанский Кремль является объектом охраны всемирного наследия ЮНЕСКО [28]. А вот площадь 1 Мая за последние сто лет превратилась в сцену для разыгрывания маркирующих спектаклей. В 1895 году в центре площади был воздвигнут бронзовый памятник Александру II, который был снесен в 1918 году [19, с. 256, 257]. Не уцелела и Часовня в честь Нерукотворного Образа Спасителя при Кремлевской военной церкви 1905 года постройки, расположенная перед Спасской башней казанского Кремля. Ее разобрали на кирпичи в 1926 году, «как портящую вид Спасской башни» [21, 1].

В вихре захлестнувшей монументальной пропаганды 1 мая 1920 года на Ивановской площади, тогда она еще так называлась, состоялся коммунистический субботник, парад и митинг, в результате которых на постаменте памятника бывшему царю был воздвигнут гипсовый рабочий под названием «Освобожденный Труд» («Рабочий-металлист») [41, С. 1126]. «Освобожденный Труд» в силу своей физической недолговечности освободил место памятнику Ленину, который в 1951 году был перемещен на иное городское знаковое место — площадь Свободы. Его место на несколько лет занял памятник Сталину. Данный факт рокировки памятников Ленину и Сталину растиражирован в различных интернет-порталах [29,30,31]. У казанского краеведа Л. Жаржевского другая точка зрения: «...памятник Ленину хотели поставить, но дальше примерки дело не пошло, памятника же Сталину не было на площади 1 Мая ни в 1951-м, ни в каком-либо еще году» [7]. Автор в том же издании несколькими месяцами ранее писал, что «сохранились снимки, где на постаменте высится то ли объемная фигура тов. Ленина, то ли ее плоскостной макет. Вскоре исчез и пьедестал монумента». Вместе с тем, Л. Жаржевский не указывает источников и временного периода данного факта [6]. Возникновение столь противоречивых версий свидетельствует о том, что данная область нуждается в более глубоком фактическом исследовании.

В ноябре 1966 года площадь 1 Мая обрела новый символ времени — монументальный комплекс-мемориал из памятника Герою Советского Союза Мусе Джалилю и барельефа героям татарского сопротивления в немецко-фашистском плену. « Пасмурный ноябрьский день расцвятился праздничным убранством площади у Казанского Кремля,— писала газета «Комсомолец Татарии» на первой полосе.— Сегодня здесь большое торжество: открытие памятника Герою Советского Союза, лауреату Ленинской премии поэту-патриоту Мусе Джалилю» [27].

Таким образом, история одной площади позволяет отслеживать процессы, происходившие в государстве в разном временном пространстве, хотя не дает права назвать данный объект «местом памяти», потому что весь событийный ряд был навязан «сверху». В общественном сознании он не определился как самоиндификационная составляющая.

Неоднозначность понимания мест памяти проявляется еще и в том, что при универсальном их определении не совпадают основания для этого у различных социальных групп. «Место памяти» как предмет исследования постижимо лишь в его непосредственной эмпиричности и не вписывается в категории традиционной истории. Оно не должно создаваться искусственно и служить аргументом для легитимизации различных государственных идеологий. Исследовательский интерес к данной

концепции совпал с периодом осмысления в обществе мощнейших исторических поворотов. Проблема воплощения памяти актуализировалась, когда «осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти», но ее еще хватает для решения данной проблемы [24, С. 17]. По концепции П. Нора местом памяти может быть и слово, и институция. Он предполагает, что «поколение» также можно считать местом памяти [23]. Оно и символично, и материально, и функционально, поскольку «осуществляет одновременно кристаллизацию воспоминания и его передачу» [24, С. 40].

Места памяти одновременно вызывают двоякое ощущение — причастность и оторванность. Данная характерная особенность в своей социально-исторической реальности вписывается в систему основных законов диалектики. Говоря о развитии «мест памяти» как о социокультурном явлении, возникает вопрос о допустимости их возникновения искусственно путем «навязывания сверху». П. Нора в интервью 31 января 2010 года во время визита в Россию спросили о принадлежности «георгиевской ленточки» к местам памяти. «Не думаю...», — лаконично изложил он свою точку зрения [25]. За этим ответом в публикации не последовало никаких пояснений. Можно предположить, почему так произошло. Сам вопрос уже предполагал подобный ответ, так как в нем кроется политическая оценка события, а исследователи такого уровня, как П. Нора четко стараются отделять политическую оценку от научного исследования. Порой бывает сложно определить корректную границу между продолжением исторической традиции и риторикой патриотизма, основанном на «славном» прошлом, и в связи с этим определение места памяти потребует независимого научного исследования. Ошибочно принимать за места памяти мемориалы. Разница в том, что мемориалы создаются людьми, правительствами или общественными объединениями с целью сохранения памяти о чем-то.

Места памяти можно считать ими в нескольких смыслах, но в разной степени материальном, символическом и функциональном. Основанием для места памяти является не только функционал. Оно должно быть и местом ритуала. В связи с этим, возвращаясь к примеру площади 1 Мая, мы не можем соотнести ее с местом ритуала, что еще раз подтверждает отсутствие признака места памяти. Все ритуальные действия, которые на ней происходили за последнее столетие, имели характер принуждения, навязывания с идеологическими установками на разрушение прошлого.

Лотман Ю.М. считал, что в постсоветский период у России появился шанс «отказаться от идеала разрушать «старый мир до основания, а затем» на его развалинах строить новый». [15, С. 270].

Возникновение истинных интенций, ведущих к объективной оценке прошлых событий, переосмысление проблем исторической памяти в российском общественном сознании с ее ментальными особенностями возможно лишь при верном определении алгоритма хода истории страны в целом. Особенность нашего алгоритма заключается в постоянном стремлении ликвидации прошлого, устремление в будущее и надежду на него. Для российской истории характерно толчковое развитие через социальные сломы, связанное с бинарной структурой, осознающей себя в категориях взрыва.

Для перехода на более прогрессивный эволюционный путь требуется бережное отношение к исторической памяти и дальнейшее формирование очищенного от идеологических влияний научного подхода к сохранению ее маркеров в виде объектов культурного наследия. Это понимание особенно важно в многоконфессиональных регионах, где перекося в сторону культивирования одной национальной идентичности может стать первым шагом к «исторической катастрофе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Л. В. Казанские часовни — истории от Анатолия Елдашева. // Казанские истории. [Электронный ресурс]. — URL: <http://history-kazan.ru/v-kurse-sobytij/vpechatleniya/17021-kazanskije-chasovni-istorii-ot-anatoliya-eldasheva> (дата обращения: 01.08.2017).
2. Барина И. К. Охрана памятников истории и искусства в культурной политике Российской Федерации: 1917–1999 гг.: дис. ... док. ист. наук. — М.: Московский педагогический государственный университет, 2006. — 345 с.
3. Валеев Р. М. Историко-культурное наследие Республики Татарстан (тенденции развития и опыт исследования, сохранения, реставрации и использования в последней четверти XX века). — Казань: Идел-Пресс, 2007. — 320 с.
4. Войны за историческую память. // Исторический журнал «Власть факта». т/к «Культура». Эфир 15.11.2011. [Электронный ресурс]. — URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/155125/ (дата обращения: 26.07.2017).
5. Голотин И. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953–1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ярославль, 2011. — 23 с.
6. Жаржевский Л. М. Памятник царю-освободителю: молебен перед монументом, серебряный венок от судей и замена «Лениным-Сталиным» // Реальное время, 19.05.2017. [Электронный ресурс]. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/65246-istoriya-kazanskogo-pamyatnika-aleksandru-ii> (дата обращения: 23.12.2017).

7. Жаржевский Л. М. Ужасы казанского краеведения: «памятник Сталину», соседи Галы Дали и байки о котях // Реальное время, 22.12.2017. [Электронный ресурс]. — URL: <https://realnoevremya.ru/society/history/84563-uzhasy-kazanskogo-kraevedeniya-ot-lva-zharzhevskogo> (дата обращения: 23.12.2017).
8. Иванов В. Историческое наследие и современность // Архитектура СССР. — 1967. — № 6.
9. Иванов В. Учредительный конгресс Международного Совета ЮНЕСКО по охране памятников и исторических мест — ИКОМОС // Архитектура СССР. — 1965. — № 10.
10. Изучение, охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Информационный сборник. Вып. 9,10. Список объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Историко-культурные территории. Исторические поселения. — Казань: Фолиант, 2013. — 310 с.
11. Историческая Казань (+ фото) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?p=120346975> (дата обращения: 1.08.2017)
12. Ко всем жителям Казани! // Комсомолец Татарии. — 1965. — № 68
13. Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2014. — № 2 (58). Т. 2.
14. Кулемзин А. М. История охраны памятников в РСФСР: Учеб. пособие. Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. — 108 с.
15. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
16. Майорова Н. В. Государственная политика по сохранению историко-культурного наследия: на примере культурного наследия Приморского края: 1945–2005 гг. диссертация кандидата автореф. дис. ... канд. культуролог. — Владивосток, 2006. — 26 с.
17. Мегилл А. Историческая эпистемология. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. — 480 с.
18. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) [Электронный ресурс]. — URL: <http://spbiir.ru/ftpgetfile.php?id=1674> (дата обращения 20.11.2017)
19. Миллер А., Герасимов В. Казань 66. Время и место. Казань. Издательство «Анна» ООО «Казанская газета «КОПЕЙКА». 2016–288 с.
20. НА РТ (Нац. арх. Республики Татарстан) Ф. Р-1402. Оп.1. Ед.хр. № 3. л. 9. (Документы. Учредительная конференция Татарского отделения ВООПИК за 1966 год)
21. НА РТ (Нац. арх. Республики Татарстан) Ф. Р-3682. Оп.1. Д. 1183. л. 17. (Машинописная копия, подпись — автограф. На документе надпись чернилами: «Пр. 100 § 4/ 29/Х-26»)
22. НА РТ (Нац. арх. Республики Татарстан) Ф. 7237. Оп. 2. Ед.хр. 757. л. 4–6. (Министерство культуры ТАССР. Переписка с местными организациями по вопросам сохранности, реставрации и строительства памятников)
23. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 30. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/30> (дата обращения: 16.03.2017)
24. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 1999, — 326 с.
25. Нора П. Историки поняли, что законы — очень опасная вещь // Уроки истории [Электронный ресурс]. — URL: <http://urokiistorii.ru/current/view/2010/31/poga-ii> (дата обращения: 16.03.2017)
26. Открытие монумента у парка Горького // Комсомолец Татарии. — 1967. — № 131.
27. Пасмурный ноябрьский день. // Комсомолец Татарии. — 1966. — № 132.
28. Перечень актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении регионального государственного надзора за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия регионального, местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, Министерство культуры Республики Татарстан, Раздел IV. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти и нормативные документы федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс]. — URL: http://mincult.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1037987.doc (дата обращения: 25.11.2017)
29. Площадь 1 Мая // Гид по Казани [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.photokzn.ru/places/0/72> (дата обращения: 23.12.2017).
30. Площадь 1 Мая // Казань тысячелетняя [Электронный ресурс]. — URL: http://nik-rech.narod.ru/album_kazan_dostopr/1_maya_ploshad/index.htm (дата обращения: 23.12.2017).
31. Площадь 1 Мая — Спасская площадь // Лощман путешествий [Электронный ресурс]. — URL: https://www.trip-guide.ru/page_16649.htm (дата обращения: 23.12.2017).
32. Постановление, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры [Электронный ресурс]. — URL <http://www.voopik.ru/voopiik/history/> (дата обращения 31.07.2017)
33. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р. Р. Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа. (Конец XVIII — начало XX веков.). — Казань: Изд-во «Фест», 1995. — 280 с.
34. Саначин С. Экскурс в архитектурную жизнь советской Казани / С. П. Саначин. — Казань: Фолиант, 2014. — 240 с.
35. Сантаяна Д. Люди и страны. Моя жизнь // Новая юность. — 2002. — № 5 (56) [Электронный ресурс]. — URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2002/5/san.html (дата обращения 18.10.2017)
36. Стравинскас В. В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2008. — 176 с.
37. Хайрутдинов Р.Р., Ларионова Т. П., Силкин А. Н., Ситдинов А. Г., Егорушкин Ю. А., Кузьмина И. Р., Валиева Р. Р. Культурное наследие Татарстана / Иллюстрированный буклет. Казань: ООО «Главдизайн», 2013. — 127 с.
38. Хальбвакс М., Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — 2–3(40–41) [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 10.03.2017)

39. Хаттон П. Х. История как искусство памяти, СПб: Владимир Даль, 2004. — 424 с. [Электронный ресурс]. — URL http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/04.php (дата обращения 25.03.2017)
40. Шухободский А. Б. Статус памятника истории и культуры в современной России: автореф. дис. . . . канд. фил. — Санкт-Петербург, 2012. — 20 с.
41. Эдвард Турнерелли. Казань и ее жители, Е. Вишленкова, С. Малышева, А. Сальникова. Казанское житье. — Казань: ООО «ДОМО «Глобус», 2005. — 1183 с.

© Топал Наталья Михайловна (topal2008@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

